

Андрей Флибер

Сорок один мертвый

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Ф72

Флибер А.

Сорок один мертвый / А. Флибер — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 108 с.

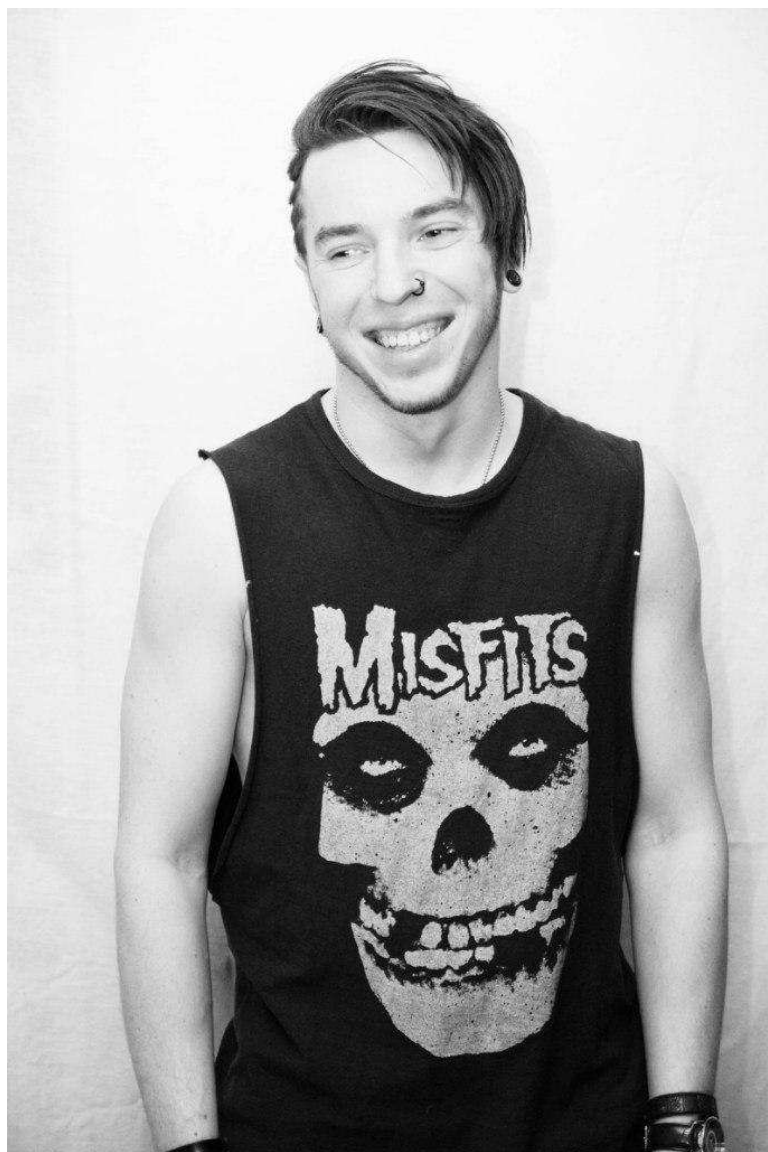
ISBN 978-5-532-06858-2

Это сборник коротких рассказов. Все рассказы посвящены Смерти. Смерть поджидает тебя на улице и в ванной, она приходит к тебе в объятиях любимых, она приходит без предупреждения и приглашения, на поле боя, на тихом озере и в теплой постели. Она берет тебя с любовью и трепетом, как любящая женщина, или разрывает тебя на куски и выгрызает сердце как одичавшая собака. Смерть всегда рядом с тобой. Смерть всегда помнит о тебе и ждет. Она умеет ждать. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06858-2

© Флибер А., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Посвящается Насе Булавиной. Ты смогла уйти молодой и красивой. Покойся с миром.

Предисловие

Идея этого сборника появилась у меня при прочтении дневника Джека Керуака. Он загорелся идеей за восемь недель написать шестьдесят одностраничных рассказов, с отдельной историей, сюжетом, началом и концом. Чем у него закончилось я уже не помню, вроде ничем. Но, мне эта идея безумно понравилась, я рассматривал ее как упражнение для головы и моего письма. Приближался Новый год, поэтому я решил написать шестьдесят одностраничных рассказов за три недели и сделал это. Каждый день я писал по три рассказа и остался весьма доволен результатом. Я не воспринимал всерьез этот сборник и задвинул его на пять лет в ящик. Не так давно я перечитывал его и решил его опубликовать. Для этого я отредактировал и дописал рассказы, поэтому некоторые заметно увеличились, выкинул те, которые показались мне совсем неподходящими и, в итоге, от шестидесяти трех остался сорок один. Сорок один рассказ о Смерти, который я вам и презентую.

Первый мертвый

Ты успеваешь, нет?

Смотри, как воздух вкручивается в меня и я выскакиваю из мусорного контейнера, ослепленный вспышками и умопомрачительным миром, что врывается в мою вековую тьму, взрыхляя мозги плугом красок и закрученных линий, линий домов и деревьев, прямые углы комнаты и ослепительное шестигранное солнце, так раздражительно сияющее мне в лицо, что я выплевываю всю мерзость, что копилась во мне тысячи лет и кричу, первый раз в жизни кричу, отдаваясь компульсии без остатка.

Ноги тащат по земле, после сотни лет в огне ожидания света и новой жизни, все настраивается вокруг, как конструктор, поднимаясь и разрастаясь во все стороны канатными дорогами, раскидываясь над лесами моего севера и утоптанными потаенными тропами, извивающимися в горах моих горизонтов, проросших в землю за зелеными холмами, покрытыми абрикосовыми деревьями моей малой родины, беспечные дни и спокойные ночи под материнским голубиным крылом, в нежности и покое, во вселенской ласке и поцелуях, что успокаивают лучше любой песни, и мир снаружи разворачивается такой огромной пёстрой скатертью, бесконечно стелясь до самого горизонта, что кажется его невозможно познать за все жизни бессмертной души человека.

Калейдоскоп летит дальше и я все дальше от мусорной корзины отречения, из которой я выпал лучезарный и полный боли сладострастия к новому миру, на слабых маленьких ножках, теперь окрепших, и вот уже я опираюсь на них сам (-Смотри мама!), укрепляя себя на земле, которая уже не кажется такой большой с этими горизонтами, до которых я могу достать, если захочу, и со всеми удовольствиями мира, которые я получу, если захочу и когда захочу, ввинчиваясь в пляску мира вокруг меня, куда я тянусь и хватаю все, что мне попадает под руку, стягивая к себе и закручивая мир вокруг меня.

Мир совсем не большой, его можно обогнуть в один взмах ресниц лошади и чих колибри, нависшей над лилией. Не большой и не такой

нужный, как казалось раньше, влекомому жаждой мне, пытающемуся получить все здесь и сейчас, живя радостным будущим, которое теперь внезапно так очевидно и ясно видно, мусорным контейнером стоит у меня на пути, который не отодвинуть и не обогнуть, никак не избежав его чрева, из которого я вышел, что тоже лишь природная закономерность, так что ж теперь страдать или клясть судьбу за такой короткий промежуток, выделенный мне, ноги уже подгибаются, плечи опускаются, только улыбка довольства и полноты становится шире, вещи видятся предельно ясно и четко, чем когда бы то ни было, хотя глаза уже не видят и вот я снова заползаю в мусорный контейнер, облепленный рекламными объявлениями, полный чеками из фастфуда заправочной станции, талонами на скидку, с пустой упаковкой от чипсов и пятнами от колы на моём свитере, заползаю на новые тысячи лет в огне ожидания. Время двигаться дальше!

Ты успеваешь, нет?

Второй мертвый

Мужчина в куртке из рыжей кожи стоит в отделении банка и курит сигарету, бросая взгляды на посетителей. Сигаретный дым поднимается к прищуренному глазу и растекается под потолком, задумчивый взгляд бродит по толпе людей неодобрительно зыркающих на него. Он стряхивает пепел на пол и сует сигарету обратно в рот.

Из дальнего угла отделения к нему уже спешат двое, сотрудник банка, с заплывшим красным глазом, в который несколько минут назад он получил от курящего мужчины, и охранник, нервно сжимающий кулаки. Они спешат и постоянно поглядывают вверх. Однако не успевают они пройти и пяти метров, как срабатывает пожарная сигнализация и струи вода обрушиваются с потолка на посетителей. Сотрудник и охранник вскрикивают и бросаются обратно по коридору. Мужчина застегивает куртку и выходит на улицу. А снаружи такой прекрасный субботний день, птицы поют на деревьях, что раскинули свои ветви над проспектом, в мирном полудне солнечного дня.

– Ну и скука. – Протянул мужчина и почесал голову. Из-под волос на секунду показалась пара черных рогов.

Мужчина щелчком бросил сигарету на тротуар и искры отскочили от плитки. Одна из них под взглядом рогатого поднялась в воздух и прыгнула на подол тонкого платья проходившей мимо девушки. Маленькая вспышка и вот уже подол заполыхал прямо на девушке. Та закричала и принялась лупить руками по платью, пытаясь сбить пламя. Рядом закричали и ей на помощь подскочил парень, хлопая по подолу ладонями, но чаще не там где горело, а в области бедер и ягодиц. Девушка верещала и одновременно сбивала огонь и отбивала руки парня. Кто-то выплеснул на нее бутылку газировки и черно-коричневое пятно расплзлось по платью девушки, словно покрытое ржавчиной на прогоревших местах. Девушка причитала и кричала на парня. Мужчина улыбнулся и неспешно пошел по улице.

Повсюду стояли ярмарочные лотки и продавались блины, печенья, ватрушки и прочие вкусности. Город отмечал большой праздник.

– Почему баранка с маком? – Нагнулся рогатый к неказистому мальчонке за прилавком.

– По сто! – Улыбнулся тот штaketником зубов.

– Давай одну. – Протянул мужчина купюру и сунул баранку в карман куртки. Подмигнул пацану и зашагал прочь.

– Что такое? – Мальчонка смотрел на купюру, превратившуюся в лист лопуха в его руке. Мужчина в куртке уже растворился в толпе.

Он шел осматривая людей и присел к безродной псине, жалобливо выпрашивающей подачку на холодной мостовой.

– Какой уродец. – Ласково потрепал его по голове рогатый и у псины глаза залились белой пленкой, а изо рта повалила пена. Пес подскочил и, залившись бешеным лаем, бросился в гущу людей, где тут же тяпнул за ногу старушку с пирожками. Визг и сутолока наполнили все вокруг.

Рогатый улыбнулся, достал баранку из кармана и неспешно съел, гуляя и устраивая пакости всем вокруг. Баранка была вкусной и мужчина довольно рыгнул, сам удивившись себе. А потом рыгнул снова и схватился за живот. В желудке будто стала раскручиваться змея из расплавленного олова, выжигая все его внутренности. Боль была невыносимая. Рогатый катался по земле, обхватив живот руками, и не прекращал исторгать из себя фонтаны желчи.

– Мужчине плохо! Вызовите скорую! – Кричали вокруг него люди. Но помочь уже было нечем. Рогатый изрыгнул из себя кровавую кашу из внутренностей и безжизненно замер на мостовой.

Недалеко оттуда, мальчик, что продавал баранки, улыбнулся, аккуратно заправляя выбившееся из-под рубашки белоснежное крыло.

– Почём баранки?

– По сто! – Лучезарная улыбка осветила очередного покупателя.

Третий мертвый

Новый год наступал и банкетный зал, крупнейшей в городе филармонии, гудел, как улей, хор голосов, взрывы смеха и звенящие песни хмельных гостей. И конечно танцы! Танцы! Танцы! Пары кружились в центре зала, под огромной люстрой из богемского стекла, переливающегося синеватыми искрами в ярких цветах маскарада. Сотня человек во фраках и вечерних платьях веселилась и готовилась вступить в, как каждый надеялся, новый год счастья и успеха. Они уже оставили в мыслях год прошлый, с его невзгодами и неприятностями, весело отплясывая вокруг ели, возвышавшейся в центре зала огромной стрелкой часов, указывающей в снежное небо, как свеча. Повсюду летало конфетти, ленты и серпантин, выстрелы хлопушек гремели тут и там. И не было человека без маски в этой веселой кутерьме. Кроме одного. Одинокая фигура сидела в самом углу, под лестницей, откинувшись на стуле и покручивая в руках нетронутый бокал с шампанским. Его видели прогуливающимся по залу и болтающим то с одним, то с другим, видели как он обсуждал внешнюю политику с послом Конго, как кружился в вальсе с женой Тихоморова, известного столичного ресторатора, как боролся на руках, и победил, с Кононовым, художником и эссеистом, как покачал в руках малютку семейства Брандт, английских парфюмеров. Но никто не знал кем был этот distinguished гражданин. На все вопросы, почему он без маски на маскараде, он улыбался своей тонкой обаятельной улыбкой молодого аристократа и тихо отвечал, покачивая головой:

— О, я в маске, старина, поверьте мне. — И более ничего не отвечал на расспросы.

Стрелки приближались к двенадцати и молодой человек уединился за столиком под лестницей, в самом неприметном месте зала, покручивая в руках бокал и тихо улыбаясь каким-то своим мыслям, наблюдая за публикой. И чем ближе минутная стрелка подходила к двенадцати, тем шире он улыбался.

— Какой ангел. — Шептались дамы украдкой от своих мужей.